

УДК 1:316

МИГРАЦИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ПРОСТРАНСТВЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Показано, что для современного мирового социокультурного пространства свойственны принципиальные изменения в содержании и характере миграции. Выстроена модель миграционного процесса, протекающего в условиях глобализации. Она представляет собой перекрестное изменение форм жизни субъекта миграции и жителя принимающей страны. В пространственно-временной динамике миграции выделены четыре этапа: перемещение, воспроизводство, интеграция, конструирование. Выявлено, что прежние критерии классификации миграций, выраженные в традиционных терминах политики национальных государств, утрачивают свою силу, уступая место транснациональным. Освещены новые тенденции политической, социально-экономической и этнокультурной миграции. Сделан вывод о том, что в миграционной динамике социокультурного пространства контрастируют две культуры – принимающая и привнесенная. Поэтому для изучения перспектив современной массовой миграции видится продуктивным сценарный подход социального прогнозирования.

Ключевые слова: *культура, общество, миграция, глобализация, социокультурное пространство, субъект миграции, социальное прогнозирование.*

Современное мировое сообщество признало массовую миграцию населения одной из важнейших глобальных проблем. Долгое время миграционные потоки анализировались исключительно с позиции их влияния на экономику и социальную сферу. Однако современные реалии свидетельствуют о том, что миграцию необходимо рассматривать как социокультурное явление, порождающее целый ряд новых проблем, связанных с изменением жизни огромного числа людей на планете [8].

Выявление новых тенденций перемещения населения потребовало уточнить понятие «миграция». Традиционно миграция рассматривалась в демографическом, экономическом и социологическом аспектах как перемещение населения между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц с разной продолжительностью, регулярностью и целевой направленностью [2]. Социально-философский анализ миграции в современном глобализирующемся сообществе выявил необходимость акцентировать внимание на культуросозидательных свойствах этого явления. Сегодня миграция – это прежде всего процесс, связанный с пространственно-временным перемещением человека как носителя социального и культурного потенциала «родины» в новые условия жизни [3, с. 47].

Новая модель миграции: динамика, типология, тенденции

Миграционные потоки меняют мир культуры, переносят человека в новую для него знаково-символическую реальность [7]. В связи с этим в новейших исследованиях представлена модель миграции в условиях глобализации. Модель миграции – это система взаимоотношений субъектов культур, резко контрастирующих между собой в момент встречи, с последующим нарастанием интеграционных представлений в связи с необходимостью мирного проживания в едином социокультурном пространстве. Компонентами миграционной картины выступают субъекты миграции (переселенцы из других регионов и жители принимающей страны), а также национальные правительства, общественные организации, международные сообщества, вырабатывающие общую политику в отношении правовой легитимности перемещения населения и его обустройства на новом месте.

Динамика «встречи» культур укладывается в четыре главных этапа – перемещение, воспроизводство, интеграция и конструирование [3, с.146–158].

Первый этап миграции связан с непосредственным перемещением людей на новое место жизни.

Второй этап включает время и обстоятельства обустройства мигранта на новом месте. Здесь субъект миграции как языковая и коммуникативная личность начинает конструировать и перенастраивать то место, в которое он попал, воспроизводя привычные для него нормы, ценности и традиции, усвоенные ранее в родной культуре.

Третий этап представляет собой период адаптации мигранта на новом месте с последующей интеграцией, т. е. сращиванием старых норм жизни с новыми, свойственными общественному укладу принимающей страны. Процесс переkreщивания социальных и культурных реалий прибывающей и принимающей сторон ведет к довольно сложным последствиям. На этом фоне выявляются две группы риска. Носителями первой группы риска являются сами мигранты. У многих из них возникает ощущение утраты культурных корней, поэтому они начинают отстаивать свои ценности, обычаи и традиции, нередко игнорируя нормы принимающего общества. Местные жители воспринимают такое поведение как нежелание осваивать новые ценности, как неуважение к принимающей стороне, что создает почву для появления протестных настроений с обеих сторон.

Четвертый этап демонстрирует плотность и постоянство коммуникаций мигрантов и коренного населения. Это приводит к тому, что социальные практики и тех, и других начинают переплетаться, что в конечном итоге ведет к рефлексивной корректировке самого легитимационного порядка принимающего общества. По мнению исследователей, тема перенастройки взаимоотношений субъектов всегда «открыта», так как связана с личностной рефлексией. «Герменевтика рефлексивного осмысления самоидентичности “Я” имеет круговой характер: с позиций настоящего личность постоянно обнаруживает новые грани своего существования, приводя множественность своих ликов к знаменателю единства и целостности во времени жизни» [1, с. 13].

Как видим, в миграционной динамике социокультурного пространства контрастируют две культуры – принимающая и привнесенная. Тот факт, что многие мигранты не только не ассимилируются, но часто отказываются жить по правилам страны, куда они приехали, можно объяснить устойчивостью

чувства «укорененности»: в новые пространственно-временные условия попадают не только физический мир человека, но и его язык, обычаи, традиции, с которыми невозможно распрощаться исключительно «по команде» принимающей стороны. Такая постановка вопроса о переселении населения уходит корнями в рассуждения М. Хайдеггера. В его интенции переименование пространственно-временных зон человека связано с угрозой утраты культурных корней на дистанции «близко-далеко», а также с опасностью проявления чувства равнодушия в момент, когда требуется осознанный выбор. Привыкая к одной местности и воспринимая сложившуюся в ней комбинацию вещей, человек оказывается способным хранить привычные связи и ощущать себя в родном доме [3, с. 24].

В настоящее время остается дискуссионным вопрос о типологии миграционных процессов. Предыдущий опыт построения типологий миграции высветил ряд противоречий. Во-первых, скорость миграционных процессов столь высока, что трудно сформировать их устойчивую классификацию, а исследователи временами впадают в состояние «паралича» выбора. Во-вторых, многообразие направлений и форм миграции не позволяет охватить всю полноту их проявлений в рамках одной дисциплины, поэтому важна перспектива междисциплинарного анализа. В-третьих, практика последних двух десятилетий показывает, что сложившиеся на протяжении длительного периода времени способы классификации миграций, выраженные в традиционных терминах политики национальных государств, утрачивают свою силу в результате глобализационных процессов, уступая место транснациональным. В свете очерченных противоречий актуализируется изучение таких критериев миграции, как легальная/нелегальная, офисная/удаленная, реальная/электронная, локальная/глобальная. Особо следует изучать формы самоорганизации мигрантов в принимающей стране. Самой распространенной считается «homeland» – социально-культурный анклав мигрантов внутри принимающей страны, представляющий собой плотное проживание выходцев из одной и той же культуры, где каждый чувствует себя как дома и говорит только на своем родном языке [3, с. 111].

Говоря об особенностях миграции в глобализирующемся пространстве, можно выделить новые тенденции в политической, социально-экономической и этнокультурной сферах жизни человека.

Политическая миграция демонстрирует сегодня три противоречивые тенденции. Первая тенденция: с одной стороны, продолжается практика национально-административного регулирования потока мигрантов, с другой стороны, набирает силу деятельность международно-политических организаций по согласованию миграционных норм. Вторая тенденция: с одной стороны, наблюдается очевидная либерализация миграционной политики, с другой стороны, постоянно ужесточаются ограничительные меры в отношении мигрантов в целях национальной безопасности. Третья тенденция связана непосредственно с вопросом статуса субъекта миграции: на фоне его правовой изоляции или административных мер по ограничению гражданских прав усиливается общественная поддержка его скорейшего социально-культурного вовлечения в систему норм и ценностей принимающей страны [3, с. 99–101].

Выявленные противоречивые тенденции связаны с тем, что на политическую миграцию, ее масштабы и программные действия оказывает значи-

тельное влияние множество внешних и внутренних факторов. Военные конфликты, угрозы физическому здоровью, дискриминационные тенденции и другие негуманитарные факторы порождают «выталкивающие» настроения у населения, а наличие в стране благоприятных социально-экономических условий жизни и гарантий безопасности оказывает «притягивающее» воздействие. Кроме того, масс-медийные ресурсы информации становятся политическим фактором усиления миграционных потоков. Информация о жизни людей в высокоразвитых странах, являющаяся, по сути, мифотворящим продуктом масс-медиа, результатом отбора, монтажа и цифровой съемки, задает и усиливает по всему миру тональность представлений об их привлекательности и цивилизационных благах.

По мнению специалистов, массовый характер миграции породил задачу пересмотра целого ряда правовых норм, в частности связанных с получением гражданства и выплатой социальных пособий. Вызовы современности повлияли на смену статуса мигрантов. От простых объектов миграционной политики, подчиняющихся структуральному давлению со стороны национальных государств, они превращаются в полноценных политических акторов, влияющих на протекание политических процессов в принимающем обществе, на распределение политических сил. В русле понимания власти как источника принуждения структуральное ограничение мигранта рассматривается двояко: ограничивая возможности мигранта, власть одновременно создает и новые условия личностного роста [5].

Социально-экономическая миграция наиболее ярко демонстрирует встречу двух контрастирующих между собой культур – «Востока» и «Запада». Повсеместно в экономике развитых стран переплетаются интересы транснациональных и этнических предприятий, а в их образовательном пространстве усиливается роль наднациональных субъектов. Ранее сторонники экономического подхода обращали внимание только на то, как экономические миграции выполняют распределяющую функцию – перераспределение трудовых ресурсов от мест наибольшей концентрации к местам наименьшей. Однако в настоящее время становится заметным нарастающий разрыв между зонами мира как системы в целом. В поисках лучшего уровня жизни мигранты из неблагополучных в их понимании регионов перемещаются в более благополучные, тем самым меняя социально-экономические и социокультурные характеристики и региона-донора, и региона-реципиента.

Развитие транснациональных корпораций, внедрение телекоммуникационных и информационных технологий в производственный сектор оказали серьезное влияние на потоки деловой миграции [4]. Современные практики деловых перемещений стали представлять собой не разовые локальные, возвратные поездки, а длительное проживание на территории других стран и регионов, создание целых предприятий с переносом производственных комплексов, включая рабочую силу из страны выбытия. Ширится практика организации этнических секторов экономики на территориях других государств. Формируются новые виды трудовой миграции, связанные с сетевой организацией производства. Так называемый «удаленный» работник в корне меняет представление о миграции как прямом перемещении трудовых ресурсов во времени и пространстве. Он начинает воспринимать себя носителем культурно-хозяйственных ценностей страны, предоставляющей ему место работы; меня-

ются его социальные контакты, ценностные представления о реализации трудовых практик.

Двойственный характер приобретает научная и образовательная миграция. Так называемый «отток мозгов» усиливает потенциал развития научной сферы страны-реципиента и существенно снижает инвестиционную привлекательность страны-донора. Образовательная миграция приобретает массовый характер и рассматривается как важный фактор личностного роста, а также как условие формирования инновационного имиджа принимающей страны. Обратной стороной данного процесса является сокращение научного сообщества страны, отдающей свои лучшие умы, что, как следствие, сказывается на ухудшении экономического потенциала региона-донора, снижает его привлекательность для других мигрантов, усиливая культурный разрыв в развитии в сравнении с передовыми странами [3, с. 118].

К позитивным тенденциям *этнокультурной миграции* можно отнести усиление процесса ассимиляции, выраженного в стремлении мигрантов усвоить культуру страны пребывания. Очевидно нарастание интеграционных настроений мигрантов с их стремлением усвоить новую культуру и обогатить ее элементами собственной. К негативным проявлениям этнокультурной миграции можно отнести практику самоорганизующейся «геттоизации», т. е. замкнутого проживания мигрантов на территории принимающей их страны [3, с. 128–129]. Кроме того, остается сильным структуральное воздействие на мигрантов со стороны, демонстрирующее навязывание иностранцам национальных культурных ценностей, норм, языка.

Будучи носителями своих знаково-символических характеристик жизни, мигранты осуществляют их перенос в культурную среду принимающего общества, что закономерно приводит к столкновению норм, ценностей и моделей поведения. В связи с этим выявлено несколько этапов «встречи» культур, вызванной массовой миграцией населения – аккультурация, адаптация, интеграция.

Процесс аккультурации сопровождается изначальным «культурным шоком», который испытывают обе стороны, чем и объясняется изначальное дистанцирование представителей различных культур. Процесс адаптации носит, как правило, длительный характер. Здесь выделяются две группы риска: молодежь и женщины. Молодые люди, из-за социально-психологических особенностей своего возраста, невольно становятся двойными маргиналами, испытывая разрыв и с ценностями своей культуры, и с ценностями принимающего общества. Возникающий внутренний конфликт часто решается через «демонстративную инаковость», проявляющуюся порой в агрессивной форме или, наоборот, в замыкании в своей системе культурных норм и ценностей. Женщины-мигранты сталкиваются с трудностями коммуникаций в профессиональной сфере. В системе деловых отношений, где действуют формальные образцы культуры, такие мигранты стремятся максимально минимизировать социальные контакты, торопясь вернуться в комфортную для себя среду обитания – на территорию своего родного homeland. Эти и другие поведенческие настроения усложняют процесс аккультурации и адаптации, могут затянуть состояние «культурного шока» и социального стресса [3, с. 143].

Особую значимость в связи с усилением миграционных процессов и интернализацией пространства приобретает вопрос об угрозе утраты культур-

ных корней. Тот факт, что многие мигранты не только не ассимилируются, но часто отказываются жить по правилам страны, куда они приехали сами или приехали их родители, можно объяснить устойчивостью чувства «укоренённости»: в новые пространственно-временные условия попадает не только физический мир человека, но и его язык, обычаи, традиции, с которыми невозможно распрощаться исключительно «по команде» принимающей стороны. Очевидно, что встреча культур предполагает длительный диалог, поиск общего языка, постепенное движение навстречу друг к другу через неизбежное удивление и последующее любопытство до достижения взаимного чувства уважения и инаковости.

Социальное прогнозирование миграции

Выявленные новые тенденции миграции позволяют говорить о необходимости пересмотра существующих практик социального прогнозирования миграционных процессов. Долгое время социальное прогнозирование в вопросах миграции строилось на экономическом и демографическом подходах к определению данного явления. Как показывает социально-философский анализ состояния миграционных процессов в современном обществе, такая позиция уже не является единственно возможной. Взгляд на миграцию как на широкое социокультурное явление меняет и методы современного социального прогнозирования.

Исследователями разработаны три классических подхода социального прогнозирования – экстраполяция, моделирование и экспертная оценка. Они основаны на разных видах обработки информации. *Экстраполяция* – это проецирование в будущее тех закономерностей развития, которые в настоящем времени достаточно хорошо себя зарекомендовали. *Моделирование* позволяет выделять ключевые признаки объекта и с их помощью рисовать схемы будущего. *Оценка эксперта* – это профессиональное суждение компетентных лиц о перспективах миграции. Перечисленные подходы так или иначе основаны на традиционном понимании миграции, поэтому сегодня важно сделать акцент на новом – *сценарном* – подходе в социальном прогнозировании, поскольку он помогает рассматривать миграцию как социокультурный феномен [8].

Сценарный подход рассматривается специалистами в области прогнозирования как субъект-ориентированный, согласно которому изменения объективной реальности интерпретируются субъектом миграции в рамках собственной картины мира. Прогнозирование социокультурных устремлений и потребностей субъекта миграции, его действий и поведенческих установок – дело довольно сложное. Поэтому сценарный подход предпочитают использовать в совокупности с классическими теориями, основанными на статистических и математических расчетах. В рамках прогнозирования миграционных процессов следует обратить внимание на ряд сложностей, с которыми можно столкнуться при реализации сценарного варианта развития. В частности, если брать за основу существующие сценарные практики прогнозирования, то упор часто делается на специфику миграции в контексте национальных государств. Как показывает изучение современных тенденций трансформаций миграции, национальный дискурс перестает быть единственно возможным в контексте данных процессов, актуальным становится наднациональный ракурс, глобальный. Или, наоборот, акценты смещаются на конкретную этническую, этно-

культурную общность. Таким образом, абстрагироваться от конкретной специфики соответствующих общностей, которые выделяются в качестве субъектов и объектов процесса разработки и реализации сценариев, не представляется продуктивным.

Следует отметить, что для правильного понимания содержания сценарного подхода важно учитывать тот факт, что любой сценарий в значительной степени является субъективным. Каждый субъект миграции сознательно или неосознанно разрабатывает сценарий своих действий, ведущих к достижению нового образа жизни. Но в модели миграции, как отмечалось выше, представлены контрастирующие между собой культуры. Поэтому надо говорить не только о субъекте, но и о контрсубъекте миграции. Их взаимоотношения таят в себе опасность столкновения сценариев. Схожая перспектива развития для одних субъектов миграции может быть положительной, а для других – отрицательной. В этом и заключается сложность использования сценарного подхода к прогнозированию миграционных процессов. Могут зародиться альтернативные сценарии, исключающие субъекта их следующего цикла развития. Исследователи понимают, что надо учитывать ценностные ориентации субъектов миграции, систему их устойчивых диспозиций, привычные модели поведения и культурные стереотипы. Однако пока нет единого мнения о том, как это все рассчитывать и прогнозировать.

При всей своей непредсказуемости сценарный подход социального прогнозирования видится продуктивным, так как он позволяет определить не только характер внешнего влияния на деятельность и поведение субъекта, но и на степень его собственной активности, его рефлексивной отдачи. Наглядно иллюстрирует целесообразность применения сценарного подхода к прогнозированию миграции опыт взаимоотношений Германии и Турции [6]. Послевоенное руководство ФРГ пришло к выводу, что для поддержки быстрых темпов экономического развития, необходимо привлекать иностранных рабочих. Первые потоки мигрантов на немецкие предприятия «потекли» из Италии и Испании. Поскольку облик переселенцев из этих стран не контрастировал с системой ценностей жизни немцев, «встреча» культур протекала относительно ровно. Со временем в регионах, отдающих человеческий ресурс для Германии, стала постепенно налаживаться и своя экономика, поэтому приток новых работников, легко адаптирующихся к нормам немецкой культурной среды, стал сокращаться. В поисках новых источников недорогой рабочей силы правительство Германии обратило свои взоры на Турцию, население которой обладало к тому времени высоким настроением на трудовую миграцию. Немецкие эксперты, используя нормативное прогнозирование, определили долю трудовых мигрантов, необходимых для поддержания существующих темпов роста производства. В итоге между двумя странами был заключен договор об особом статусе трудовых мигрантов.

С позиции классических подходов к социальному прогнозированию расчет был полностью корректен, основан на научно обоснованной информации, статистике, экономических расчетах и анализах показателей производительности. Однако руководящие структуры, планировавшие привлечение рабочей силы извне, не учли тот факт, что традиции восточной культуры сильно контрастировали с западной, с ее системой ценностей, норм и сложившихся социальных отношений. Ошибка в прогнозах проявилась не сразу. Изначально

установки субъектов миграции совпадали: принимающая сторона хотела получить рабочую силу, согласную трудиться за установленный объем вознаграждения, а иностранные рабочие хотели получить свое вознаграждение и вернуться на родину, в привычные для них условия жизни и приемлемую культурную среду.

Ситуация стала меняться, когда сотрудничество с турецкими рабочими, оказавшееся выгодным для развития немецких предприятий, было продлено и трудовые мигранты остались на более длительный период времени. Сохраненное чувство «родины», длительный период пребывания на территории с иной культурой, отсутствие возможности получить гражданство – все это привело к формированию в Германии замкнутых турецких диаспор, поддерживающих мусульманские социально-культурные традиции жизни. Здесь и проявились расхождения в восприятии трудовой миграции со стороны принимающего и прибывающего общества. Рассчитывая на скорейшую адаптацию мигрантов, немецкие политики и эксперты не учли целый ряд факторов: во-первых, выяснилось, что необходимо создавать программу адаптации мигрантов; во-вторых, миграционные нормы столкнулись с «силой» национальной культуры, когда иностранные рабочие не спешили отказываться от привычного образа жизни лишь «по команде» принимающей стороны; в-третьих, не было учтено действие теории возвышающихся потребностей, когда иностранные рабочие, вкусив цивилизационные блага, захотели жить в Германии постоянно. Практика длительного пребывания турецких рабочих на территории германских земель привела к тому, что турецкие «homeland» превратились в устойчивые социокультурные образования. Сила вовлеченности турецких мигрантов в социальную и экономическую жизнь Германии за полстолетия привела к целому ряду изменений: от корректировки правовых норм и регуляторов социально-экономических практик к пересмотру миграционного законодательства.

В настоящее время в мире фиксируется миграционный кризис, проявляющийся в изменении настроений мигрантов и жителей принимающих их стран. Несмотря на то, что Германия стремится ограничить поток новых мигрантов, а Турция старается удерживать их, предлагая у себя дома рабочие места, миграционный процесс векторно не ослабевает. Такую ситуацию трудно рассчитать цифрами. Здесь и вступает в силу сценарный подход, учитывающий устремления представителей обеих сторон. Эксперты прогнозируют изменение характера миграции. Главными действующими лицами в сценарии будущего видятся три группы мигрантов: диаспоры как легитимные субъекты права, высококвалифицированные специалисты (как правило, потомки первых мигрантов), а также молодые люди без образования. Практика показывает, что в рамках деловых отношений многим турецким предпринимателям и политикам комфортно пребывать на территории Германии, так как глобализация интересов нивелирует культурные и социальные отличия. Местные диаспоры играют противоречивую роль: с одной стороны, как субъекты права они принимают на себя ряд обязательств в вопросе интеграции новых мигрантов в немецкое государство при условии сохранения этнокультурной самобытности; с другой стороны, они нередко лоббируют свои интересы через поддержку «земляков», ранее добившихся высокого статуса и политического веса. Что касается молодых турок, то они хотят жить в Германии, но не чувствуют свою

принадлежность к ее культуре. И это препятствует интеграции, предполагающей движение навстречу другой культуре, а не проявление равнодушия и потребительских настроений.

Таким образом, анализируя современные тенденции, связанные с трансформацией миграционных процессов, можно прийти к выводу о необходимости корректировки сложившихся в рамках экономического и демографического подходов к пониманию миграции практик прогнозирования и управления данными процессами. Построение поисковых и нормативных прогнозов с таких позиций упускают один из актуальных аспектов – социально-культурный. Без учета специфики субъекта и объекта прогнозирования теряется один из важнейших аспектов, оказывающих влияние как на сам процесс построения прогноза, так и на значимый фактор прогнозного фона. Одним из методов, позволяющих преодолеть данную проблему, становится использование сценарного подхода в социальном прогнозировании. Сценарный подход дает возможность анализировать современное состояние миграционных процессов, опираясь не только на данные статистики и экономические показатели, но и ориентируясь на социально-культурные особенности субъектов принимающего и отдающего обществ. В определенной мере сценарный подход помогает учитывать степень ответственности каждой из сторон за успешность межкультурной интеграции и выявляет возможные формы ее осуществления.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. Рефлексивная самоидентичность личности как социально-философская проблема. Тверь: ТвГУ, 2018. 17 с.
2. Бекбаева Е.Е. Сельская кооперация Степного края в конце XIX – начале XX веков (по материалам Акмолинской и Семипалатинской областей): автореферат дис. ... канд. ист.наук. М.: МПГУ, 1992.
3. Верпатова О.Ю. Миграция в контексте глобализирующегося социокультурного пространства: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2018. 181 с.
4. Международная миграция и развитие: доклад Генерального секретаря ООН [Электронный ресурс]. // Генеральная ассамблея, 4 августа 2016. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_71_296_R.pdf (дата обращения: 13.09.2017 г.)
5. Михайлова Е.Е. Субъект миграции в контексте структурального ограничения // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2018. № 1. С. 25–32.
6. Познер В. «Германская головоломка». Жизнь других [Электронный ресурс]. URL // <https://pozneronline.ru/2013/11/5920/> (дата обращения: 13.09.2017 г.)
7. Соколова Е.Н. Особенности применения сценарного прогнозирования в стратегическом аудите // Молодой ученый. 2017. № 11. С. 258–260.

8. Песоцкий В.А., Жебит В.А. Конец антропоцентрического мира и перспективы законосообразного развития цивилизации нового периода // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Философские науки». № 4. 2017. С. 69–77.

MODEL OF MIGRATION IN A GLOBALIZING SPACE AND SOCIAL FORECASTING

O.U. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

The article reveals that the contemporary world socio-cultural space is characterized by fundamental changes in the content and nature of migration. The model of migration process taking place in the conditions of globalization is built. It represents a cross-cutting change in the way of life of the subject of migration and the resident of the host country. There are four stages in the spatial-temporal dynamics of migration: displacement, reproduction, integration, construction. Under current circumstances, the former criteria for the classification of migration, expressed in traditional terms of the policy of national States, lose their force, giving way to transnational. New trends of political, socio-economic and ethno-cultural migration are highlighted. In the migration dynamics of the socio-cultural space, two cultures should be distinguished – receiving and imported. Therefore, in the study of the contemporary mass migration prospects, a scenario approach of social forecasting should prove to be productive.

Keywords: *culture, society, migration, globalization, socio-cultural space, subject of migration, social forecasting.*

Об авторе:

ВЕРПАТОВА Оксана Юрьевна – кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

VERPATOVA Oksana Urievna – PhD, Senior Lecturer of the Dept. of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. Email: verpatova_tgtu@mail.ru